

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

ВРЕМЯ СВОБОДЫ

Выступление в Колумбийском Университете
25 апреля 1979 года.

В своем прошлом выступлении здесь, в Колумбийском университете, я говорил об общей судьбе третьей эмиграции. Мой прогноз был оптимистичен — тоталитарный режим сам формирует людей, которые, борясь за биологическое выживание, обретают черты, помогающие им выстоять в Америке.

Сегодня речь идет о потерпевших крушение. Я бы хотел пойти дальше и коснуться тех, кто, вымаливая себе право вернуться в Россию, обивают пороги советского посольства.

От их трагического опыта можно отмахнуться. Можно даже представить их психически ненормальными. Но, во-первых, этих "ненормальных" не так уж мало — по одним сведениям несколько сотен, по другим — даже более тысячи. А, во-вторых, и это куда важнее: их печальная судьба — это тоже грань эмиграции и, как всякая предельная ситуация, она высвечивает многое, что скрыто от наших глаз.

Многие из нас помнят довоенные годы, когда иные, разочарованные Западом романтики, устремились в Советский Союз.

Их иллюзии, проистекающие из незнания сталинского режима, легко поддаются объяснению. Но как понять тех, кто, отведав сполна "советский архипелаг", рвется обратно, из мира свободы в застенки "архипелага"?

Я бы не стал акцентировать внимание на этом, все-таки сравнительно небольшом проценте неудачников, если бы не подозревал, что за их спиной стоят тысячи других, хотя и не готовых пойти на этот самоубийственный шаг, но ощущающих себя столь же несчастными и раздавленными в свободной демократической Америке. Мне даже трудно ответить на вопрос: что выглядит более печальным — стремление вернуться обратно, в рабство, или переживаемые некоторыми эмигрантами страдания, ведущие к депрессиям, паранойе, иной раз, к полному распаду личности.

Не о чем ином, как о таком распаде, свидетельствует опубликованный в парижском журнале "Ковчег" роман, рассказывающий, как вытекает из анонса редакции*, о судьбе эмигранта "третьей волны", о его попытках вырваться из эмигрантской среды, пробиться к почве новой страны — Америки. На самом же деле ничего подобного в романе нет. Перед нами просто опустившийся человек, который, изгилаясь в порнографии и полутроцкистских бреднях, в ненависти к России и к Западу, пытается предстать в ореоле Личности. Но ему ничто не помогает — ни совокупление с негром, ни братание с террористами. В общепризнанном, цивилизованном смысле человека уже нет, а есть лишь продукт его распада, моральный обрубок, торчащий из чрева Нью-Йорка. И истошно кричащий: "Я Личность! Я Личность! Я Личность!"

И все они — и те, кто рвутся на свою "социалистическую родину", и те, кто, одурманенные марихуаной, подобно автору указанного "романа", наслаждаются собственными трупными запахами, и те, кто респектабельно паразитируют на "велфейре" — все они дружно ненавидят Америку и тоскуют по России. Впрочем, не будем так уж, наотмашь, уничтожать этих людей. Если не принято бить лежачего, то это тем более

* Этот анонс, следуя демократической традиции, опубликовал и журнал "Время и мы".

относится к падшим. И если не из гуманных побуждений, то хоть для приближения к истине попробуем понять причины их падения, а заодно и разобраться в трагических метаморфозах эмиграции.

Не знаю, являлся ли этот "писатель" диссидентом, но, будучи, как он сам пишет, модным поэтом, наверняка обличал советский режим и КГБ. И, думаю, требовал свободы выезда. Как требовала того же Мария Карповна Давидович — она привезла в Израиль гроб с телом своего мужа, прославленного еврейского активиста полковника Давидовича, а сегодня, вернувшись на свою "социалистическую родину", гневно обличает сионизм в газете "Советская Белоруссия".

Я взял два первых пришедших на ум примера, чтобы показать, во что иногда выливается наше романтическое прошлое. В конце концов, все мы его пережили — и те, что оказались на дне жизни, и те, что на ее гребне. Все мы, стоило нам переступить порог ОВИРа, автоматически превращались в борцов за свободу. Газеты не жалели красок, чтобы воздать должное этой борьбе. Даже тогда, когда она была лишь покорным ожиданием визы. Газеты писали о влиянии эмиграции на режим даже тогда, когда режим попросту торговал душами эмигрантов. Они писали о ее влиянии на демократию, на свободу, на мировоззрение Запада, но как-то обойден был стороной вопрос: что происходило с нами самими. Не здесь, а там, откуда начался наш столь же счастливый, сколь и печальный исход. Здесь, в Америке, мы пожинаем лишь результаты, необратимые результаты прошлого, и пишем статьи о том, кто и почему плохо устроился и как устроиться лучше.

Но ведь все начиналось там, в недрах советского строя. Там начинался процесс, плоды которого мы пожинаем сегодня.

Я бы не хотел свести ход своих рассуждений к тривиальной истине: что-де тоталитарный режим формирует неполноценный тип человека, как теперь его называют, "гомо советикус". Мысль эта, верная в своей основе, не дает, однако, ответ на вопрос: почему именно здесь, наряду с успехом и возвышением одних, а таких становится все больше, — происхо-

дит надлом и падение других. И тут мы подходим к очень существенному, хотя и не всегда видимому отличию тоталитарного общества от свободного. Отличию, которое, может быть, объясняет, отчего эмиграция становится таким мощным катализатором крушения вчера еще вполне благополучных советских людей.

Верно, что советский строй лишает человека свободы. Человек в нем не более, чем средство для достижения идеологических задач. Но верно и то, что, лишая человека свободы, оболванивая его, воздействуя на него в нужном направлении, режим не может не принять на себя ответственности за его существование — для того хотя бы, чтобы он верой и правдой служил целям режима.

Тоталитаризму не нужны свободомыслящие писатели, но равно ему не нужны наркоманы и гомосексуалисты. Идеально выстроенная гигантская пирамида-тюрьма, где у каждого есть право на камеру-ячейку, и упаси вас Бог высунуться, нарушить гармонию пирамиды. Режиму равно не нужны ни Солженицыны, ни певцы порнографии, сбивающие советских людей с их прямого пути, гениально начертанного партией пути к "светлому будущему".

Ну, а что же свободный мир? Может быть, его решающее преимущество именно в том, что в нем нет "порядка" и "гармонии". Он не выравнивает людей, не дозирует свободу — свобода даруется всем, каждая тварь поет хвалу Господу. Но именно на этой буйно возрастающей ниве, среди этого "хаоса" и "беспорядка" только и могут появляться Чарли Чаплины и Эйнштейны, точнее, тут есть максимум шансов для их появления — драгоценнейших злаков на безбрежных полях плевела.

Недавно я шел с одним старым московским другом, только приехавшим в Америку, по 42-й улице, и он в сердцах возмущался: "Взгляни, это же сумасшедший дом: преступники, наркоманы, полулюди... всех бы перестрелять!" 42-я — это сгусток, дно, есть и иные места в Нью-Йорке. Но как объяснить ему, что, в принципе, иным не может быть этот мир: свободное общество платит по векселям за свое существование!

Всем даны равные шансы — неграм, пуэрториканцам, эмигрантам — пусть каждый пробивается сквозь "джунгли свободы"! Вот ведь в каком странном мире мы оказались, вырвавшись из "правильной жизни", из идеально-тюремного распорядка.

Нам кажется, что, уйдя в эмиграцию, мы покинули эту тюрьму, — увы, это только иллюзия — тюрьма внутри нас, в наших нравах, в наших амбициях и претензиях, которые там по указанным выше причинам мы были вправе предъявлять. И по инерции мы предъявляем их здесь — в мире, где нам даны только шансы, шансы — и никаких гарантий. Претензии к Сохнуту, к НАЙАНе, к газете "Новое Русское Слово", к американскому правительству. Слово от ВЦСПС или обкома партии требуем, чтобы устроили, чтобы дали работу — дали то, что нам было положено в условиях "справедливой" тоталитарной гармонии. И когда наталкиваемся на стену непонимания — я не ошибся, именно непонимания, — обескураженные, преисполняемся возмущением, впадаем, простите, в ностальгическую паранойю.

Какая поразительная, абсурдная ситуация! Перед нами Америка, мир несметных богатств, рожденных технологической цивилизацией, и нам дана возможность проникнуть в него и, может быть, даже завоевать его, но мы страшимся этой борьбы и тоскуем, тоскуем по положенной нам советской пайке. И изливаем друг другу душу в своих эмигрантских компаниях. "Там я был человек, старший инженер по БРИЗу, квартиру райисполком предоставил, путевку два раза в год давали, а здесь?" "Там я был актером первой категории, такие площадки предоставляли! Посылали за границу, сам Апостолов из культотдела ЦК на машине подвозил, а здесь?" "Там я был поэт, четыре сборника в Гослите издали, народ на руках носил, а здесь?"

Здесь все мы у нулевого цикла, наедине с жестокой альтернативой: или, используя свой шанс, карабкайся вверх, грызи зубами, или... катись под откос и оттуда, со дна, уничтоженно моли, чтобы пустили обратно в Россию, в тюрьму, или, подоб-

но персонажу упомянутого "романа", задыхаясь, в ужасе и отчаянии кричи: "Я еще не распался, я еще жив, смотрите — это Я!"

Советские газеты упорно твердят, что человек, воспитанный при социализме, обречен на муки в условиях капиталистического рабства, он не может вынести бремени этого рабства. На самом же деле — и в этом зловещий парадокс — не рабство, а свобода обрекает на муки советского неопита в Америке. И бремя свободы оказывается самой тяжелой проблемой его жизни.

Так неужели положение столь безнадежно? А как же те, кто, карабкаясь и борясь, вырываются наверх? Чтобы ответить на этот вопрос, ответим вначале на другой: неужто ни малейших ценностей мы не вывезли из нашего прошлого, а если вывезли, то какие из них признает Америка? Я думаю, что Америка признает все, что человеку дано от природы — ум, талант, инициативу, волю, — все, что сделало Америку Америкой. И что уже сегодня приносит успех тем, кто прорвался сквозь "джунгли свободы". Есть особая причина, по которой мы обязаны воздать им должное. Их судьба — и обвинение, и пример слабым и падшим, тоскующим по тюрьме и стонущим под бременем свободы. Но свидетельствуют они — все в руках человека, в ваших руках, и тогда, когда вы это поймете, может быть, в муках поймете, — избавившись от самих себя, — бремя свободы превратится для вас в великое благо.